

ПОСЛЕ НИЩЕТЫ И БЕДНОСТЬ КАЖЕТСЯ БОГАТСТВОМ!

О.Ю. МАМЕДОВ,

*Заслуженный деятель науки РФ, доктор экономических наук, профессор,
Южный федеральный университет*

Прекрасным было начало экономической науки, положенное оптимистическим сочинением Адама Смита «Исследование о природе и причинах богатства народов». И как же печально, что сегодня гораздо более востребованным является исследование о природе и причинах их бедности. Поговорим же о бедности – опустылевшей и, похоже, надолго прописавшейся у нас.

Всякая переходная эпоха (какие бы проблемы она ни решала) всегда сопровождается на начальном этапе одним – резким (иногда просто невыносимым) снижением реальных доходов населения.

Переход к рынку в нашей стране не был в этом отношении оригинальным – реальные доходы населения буквально полетели вниз, но, кроме того, обнаружили еще два долгосрочных следствия:

видимое – в виде невообразимого имущественного неравенства,

и **слышимое** – в виде истошных стонов значительного числа экономистов о несчастной судьбе народа в результате коварных рыночных реформ.

Но именно поэтому следовало, хотя бы невзначай, сказать правду: *народ в нашей стране не владел ничем никогда* – **КАК ДО РЕФОРМЫ, ТАК И ПОСЛЕ.**

Поэтому душераздирающие крики об «ограблении народа проклятыми реформаторами» следует всё-таки признать излишне громкими – не владея буквально ничем, существуя в пространстве тотального огосударствления всего и вся (даже жильё было сплошь казённое!), народ был «голью перекаточной» в собственной стране в течение всех семи десятилетий до рыночных реформ (правда, после реформ разрешили хоть приватизировать жильё, – единственное вещественное богатство народа на сегодня).

Одним словом, кому-кому, а уж профессиональным (то есть не политиканствующим) экономистам хорошо известно – дореформенная бедность была несусветная. В этой ситуации рыночные реформы в начальный их период могли означать только одно – *проверку результатов социалистической экономики критериями капиталистической экономики*. И так же, как многие предприятия, процветавшие в административной системе хозяйствования, оказались на рыночную поверку банкротами, точно так же «социалистическое благополучие» в координатах рыночного общества оказалась **о-бык-новенной НИЩЕТОЙ!**

О, как же многим хотелось и хочется свалить эту нищету на рыночные реформы, и тем самым вновь и вновь опорочить последние, ибо уровень повседневной жизни – самое болезненное и самое осязаемое для каждого человека. В ход идёт всё – подтасовывание фактов, манипуляции со статистикой, даже родословная реформаторов, – словом, то, что всегда похвально отличало советскую экономическую «науку».

Но мы не будем связываться с экономическим политиканством. Лучше поступим иначе, – осознавая, что социальная стабильность действительно определяется массовым уровнем массовых доходов, постараемся разобраться в теоретических аспектах нашей бедности.

Поскольку за весь рыночный период (с 1991-го по 2008-й) власть так и не удосужилась создать инструменты долгосрочного доходного сбережения для широких масс¹, то основным источником доходов основной массы работников как в дореформенный, так и в пореформенный период продолжает оставаться заработная плата.

Следовательно, главная причина неравенства в доходах – это *неравенство в оплате труда* (межотраслевое и внутриотраслевое)².

Практика рыночно-развитых стран мира показала, что неравенство в доходах можно, хотя бы частично, преодолеть посредством *социальных трансфертов*. Поэтому, констатируя неприемлемое для нашего общества (тем более – в XXI веке) неравенство в уровне доходов, следовало бы измерить величину имеющихся в нашем распоряжении социальных трансфертов и отыскать механизм их рациональной реализации.

Измерение потенциала социальных трансфертов – дело хозяйственников, а вот адресность, определяющая эффективность их применения, зависит уже от экономистов. Действительно, хотя рыночные реформы на начальном этапе вызвали падение доходов у всех категорий населения, социологи (труды которых экономистам надо было бы почитать чаще) справедливо утверждают, что в особенно тяжелое положение попали *неполные семьи и одиноко проживающие пенсионеры старших возрастов*³. А поскольку в этих группах преобладают женщины, то это означает, что в России происходит *феминизация бедности*⁴. Другими словами, **первый адрес социальных трансфертов – женщины** (которые к тому же всегда подвергаются дискриминации на рынках труда).

Везде цивилизованность измеряется одним – реальным отношением к женщине, прежде всего – к её экономическим правам⁵. А для нас, в силу многих обстоятельств, это измерение – еще важнее.

Экономический смысл категории «бедность», извините за неуместный каламбур, весьма беден, – эта категория означает такое экономическое положение индивида (группы), при котором он не может *сам* оплатить стоимость необходимых ему для поддержания жизни материальных и духовных благ. Другими словами, – существует определенный, приемлемый для общества уровень (стандарт) жизни, и бедность – это неспособность его поддержания собственными честными трудовыми усилиями. Скажем афористично: бедность – это непреодолимый разрыв между доходами и расходами, когда даже максимальными доходами индивид не в состоянии удовлетворить свои даже минимальные потребности.

Экономисты еще двести лет назад придумали, как вычислить *«порог бедности»* – на основе семейных бюджетов. Тогда-то и появился критерий *абсолютной бедности* – индивид не в состоянии обеспечить собственными ресурсами сохранение своей трудоспособности и своего здоровья.

Значительным достижением экономической теории явилось признание **закономерного (объективного) существования бедности в обществе**. В переводе на нормальный язык это означает, что **бедность присуща любому обществу**, – различия могут касаться только *уровня и масштаба* бедности (так, американский бедняк отличается от российского, а российский – от индийского). Мы говорим о признании «закономерности бедности» как о значительном теоретическом достижении потому, что только при таком признании бедность приобретает статус *объекта научного познания*.

¹ А как мы опасались появления многочисленного класса рантье... Слава богу, не появились. И все по-прежнему ходят на работу. Вот и чудненько, что не пришлось нарушать традицию.

² В заметке мы игнорируем выходящее за рамки здравого смысла неравенство массы населения и олигархов (с примкнувшими к ним хозяйствующими чиновниками), поскольку оно имеет внеэкономическое происхождение.

³ Вниманию немногочисленных молодых экономистов – прожиточный потенциал суммы двух пенсий больше, чем потенциал тех же двух пенсий, но расходующих порознь.

⁴ Те же, кто стесняется термина «бедность», может прибегнуть к эвфемизму, используя слово «малообеспеченность», – потребовалась рыночная революция 1991 года, чтобы экономисты и социологи стали, наконец, употреблять эту честную категорию – «бедность».

⁵ Цеплялась бы брошенная с ребёнком женщина за своего непутёвого и нетрезвого мужа, если бы была экономически равноправна с ним? Да зачем бы он тогда ей был нужен...

Сойдясь в этом пункте, экономисты дальше немедленно разошлись. Догадайтесь с одного раза – в каком вопросе?

Да всё в том же, центральном, который всегда разъединяет экономистов, чего бы они не касались. В данном случае это «типичное» расхождение выглядит так – надо или не надо вмешиваться государству в решение проблемы бедности, а если надо, то – как и в каких масштабах?

Несмотря на эти споры, к теориям бедности не следует относиться свысока, как к чему-то далёкому от жизни, поскольку выбор теоретического объяснения бедности непосредственно влияет на выбор экономических инструментов в борьбе с нею.

Бедными в России официально считаются все, чьи доходы ниже *прожиточного минимума* (ниже так называемой «черты бедности»), который соответствует стоимости минимальной «потребительской корзины». В чиновном мозгу это спровоцировало подмену борьбы с бедностью – на борьбу с «корзиной» (точнее, с её стоимостью). И то, правда – чем дешевле стоимость минимальной «потребительской корзины», тем больше людей могут (хотя бы теоретически) принести её к себе домой.

Кстати, это сыграло с (не ко времени честными) реформаторами злую шутку – в пришедших с ними рыночных условиях прожиточный минимум стал исчисляться по новой, рыночной методике, поэтому его величина оказалась на 15% больше, чем при расчётах по старой методике. А это, понятное дело, повлекло за собой и дополнительный *статистический* (но не фактический) рост удельного веса бедного населения (например, как отмечалось в литературе, в 1999 году по старой методике бедных семей должно было быть 22,5%, тогда как по новому расчёту бедные семьи составили уже 41% населения)⁶. Разумеется, и это тоже было инкриминировано реформаторам, которые – вот дурачки – сами подставились, вместо того, чтобы искусственно уменьшить индикатор бедности, как это без зазрения совести проделали бы многие на их месте.

Переход к рынку имел еще одно важное следствие, – впервые реальная величина реального дохода стала, наконец, непосредственно определять реальный уровень потребления (правда, это искажалось неформальными теневыми доходами, а также сохранением «родимых пятен» советского распределения). Ведь в советской экономике уровень потребления отражал что угодно («блат», связи, близость к распреффондам в виде пайков), но только не уровень зарплаты.

Следовательно, борьба с бедностью на практике означает «подтягивание» тех, кто находится ниже уровня прожиточного минимума, хотя бы к этому уровню. Вот именно для этого государству и необходима развитая система *адресных* денежных и натуральных пособий.

Самое неприятное состоит в том, что у нас деформирована основная детерминационная цепочка развитого общества: «образование – квалификация – доходы – долгосрочные сбережения – уровень потребления», которая обеспечивает формирование и развитие среднего класса. Провалы идут буквально по каждому пункту этой цепочки. Но если образование не гарантирует получение работы с перспективами роста, а работа не гарантирует высокий доход, а если зарплата у представителей одной и той же профессии в частном и государственном секторах различается на порядок, если доход не гарантирует статус, если многие источники высоких доходов незаконны, – значит, мы ещё на отдалённых подступах борьбы с бедностью.

Экономические мудрости могут быть представлены системой афоризмов. Среди них достойное место должен занять основной лозунг рыночной экономики: «ВСЕ НЕ МОГУТ БЫТЬ БОГАТЫМИ, НО НИКТО НЕ ДОЛЖЕН БЫТЬ БЕДНЫМ». Применительно к переходной экономике последнее слово должно быть на порядок ниже. И тогда станет ясным не только качественное различие между рыночным и недорыночным обществами, но и основной вектор экономической политики в рыночно-переходный период.

⁶ См.: Овчарова Л.Н. Бедность в России (источник – <http://www.socio.ru/wr/1-01/Ovcharova.htm>); см. также – «Мир России», 2000, № 4.